

Лидия Жуковская:

«Я помню ВСЕ!»

Снятие блокады Ленинграда – одно из знаковых событий Великой Отечественной. 77 лет назад советские войска отбросили фашистов от города на Неве. Жестокая цена этой победы – более миллиона жителей, погибших от голода, холода и болезней. Два с половиной года Ленинград был отрезан от большой земли. О самом страшном первом годе блокады нам рассказала Лидия Жуковская, которой было на тот момент всего семь лет.

– До сих пор мне снятся страшные сны о том времени. Мне было семь лет, но я запомнила все: и вой сирен, и бомбежки, и то, как была на волоске от смерти. Но самое сильное чувство того времени, конечно, голод. Есть хотелось бесконечно, – начала свой рассказ бывшая ленинградка Лидия Жуковская, которая недавно из Мурманска переехала в Жодино к сыну.

ЭТО СТРАШНОЕ СЛОВО «БЛОКАДА»

Почти сразу, как началась война, опустели все магазины. У нас запасов особых не было, а потому мама после работы с друзьями ленинградцами почти каждый день ездила на окраину города, где собирала картофель после бомбежек. Они очень рисковали, потому что часто налетали вражеские самолеты и бомбили. Ей удалось навозить домой два мешка картофеля, которые нам очень помогли выжить.

Самым тяжелым временем в жизни жителей блокадного Ленинграда была зима 1941-1942 года: столбик термометра опускался до -32°C, шел снег, в квартирах было очень холодно – жили без отопления и электричества в домах.

Всю суровую зиму и весну наша семья была на грани гибели.

Голод был страшный: давно сгорели Бадаевские склады, выдавали всего по 125 блокадных граммов хлеба. Мы с мамой жили на Выборгской стороне, на ул. Лесной у нас была комната 20 метров и соседи – две семьи.

Вскоре фабрика, где работала мама, эвакуировалась в Среднюю Азию. Мама не поехала со всеми, потому что, как и многие в то время, была убеждена, что война быстро закончится. Чтобы не потерять 125 блокадных граммов, она устроилась рабочей на кладбище. Я оставалась одна дома.

Однажды на улице встретила женщину, которая у меня спросила, хочу ли я булки с маслом. Конечно, я хотела. «Пойдем со мной», – сказала она. Мы зашли к ней в квартиру. Хозяйка позвала меня в другую комнату. Вдруг вижу, что в рукаве она прячет топор. Я напугалась, стала отходить к двери и громко

кричать. Хоть мне было семь лет, я поняла, что она замыслила что-то ужасное. «Дрянная девчонка!» – донеслось вслед. Силой удержать меня она побоялась – слишком страшно я кричала и звала на помощь. Я рассказала маме. Она за голову схватилась... Оказалось, что в нашем районе стали пропадать дети. У нас на лестничной площадке исчез мальчик, в соседнем подъезде тоже не могли найти ребенка. Их так и не нашли. Поползли слухи, что детей ловят, чтобы, страшно произносить это слово, съесть. Мама потом ходила по этому адресу, но никто не открывал дверь. Может, эти люди умерли, а может, сбежали.

Стресс, который я испытала тогда, не прошел бесследно: страшные сны мне снятся до сих пор. А еще постоянно снится хлеб – он казался мне тогда, да и сейчас, самой вкусной едой.

ПОТЕРЯ ХЛЕБНЫХ КАРТОЧЕК

Увы, нас не миновала эта беда. Мама то ли потеряла, то ли у нее украли карточки. Картофель давно закончился, мы жили и так впроголодь. Не умерли только потому, что получали 125 граммов хлеба по карточкам. И вот их нет. Мама понимала, что мы умрем. Помню, как мы помылись, надели чистую одежду и легли в кровать, обнявшись. Я позже, повзрослев, поняла, что мы приготовились умирать. Наверное, прошла неделя, а может, и больше, как в нашу дверь кто-то постучал. Это был наш родственник – дядя Саша из Ельска, что в Беларуси. Он был военным. Дом, где они жили с женой, разбомбили. Он решил, что, возможно, она у нас. Увидев нас умирающими, он побежал к машине и принес нам еды, сварил кашу, и мы постепенно стали приходить в себя. Уезжая, он оставил нам два ведра овса, которые нас и спасли. Покинуть Ленинград мы смогли лишь в марте 1942 года.

ЭВАКУАЦИЯ

В марте мне исполнилось восемь лет. А 17 марта 1942 года нас эвакуировали в Омскую область. Помню сильные морозы, нас везут куда-то в грузовиках (по Ладого). Нас не бомбили – мы выскочили из кольца блокады.

На перевалочном пункте покормили рыбой и картошкой, погрузили в теплушки и повезли. Куда? Мы даже не знали. На каждой станции давали еду. Мы ели понемногу, потому что боялись непроходимости кишечника после голодовки. Через недели две мы приехали в Омскую область. Приняли нас в одном из колхозов. Мама ходила перебирать картофель перед посадкой – была весна. А вскоре она и другие эвакуированные завербовалась на Север, на лесоповал в устье Оби. Это была очень тяжелая работа, мужская – женщины пилили деревья и сплавляли их по реке. Мы уже знали, что папа погиб на фронте практически в первые дни.

В Приобье мы прожили почти два года. Здесь я окончила два класса – училась с хантами и манси в интернате.

Потом мы переехали в Сургут, где мама устроилась на рыбный завод. Этот период запомнился экскурсиями на предприятие, где обрабатывали рыбу и делали консервы, а еще – кедровыми шишками, которые мы сбивали с деревьев, чтобы полакомиться орешками.

Мама все искала работу с жильем. Мы вернулись опять в Омск, некоторое время жили на вокзале. Я в третий класс ходила прямо оттуда. Самое главное было занять место, чтобы переночевать под крышей и в тепле. Так, сидя и спали. Школа запомнилась тем, что там было не только интересно, но еще и давали ежедневно вкусные булочки со сладким чаем.

Когда мама устроилась на работу, нам дали какой-то дом-развалюху. Но это был свой угол, и мы радовались.

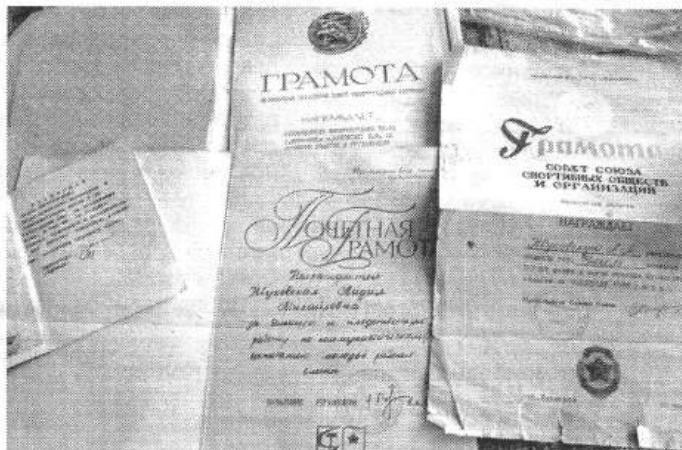
В Омске мы прожили два года, потом в 1944 году переехали в Беларусь, на родину бабушки в Ельск. Там было очень бедно, и мама с родственниками решили вернуться в Омск, где все быстро нашли работу, получили жилье. Стало легче. Мы с мамой жили в домике возле железной дороги. Я часто выходила на пути и собирала сою – крупа просачивалась через неплотные деревянные контейнеры, дети ее собирали, а дома варили кашу. А еще я продавала летом воду жителям Омска, которые возвращались с заработков с мешками: оставить груз без присмотра боялись, а пить в тридцатиградусную жару очень хотелось. Я приносила для них воду. Бидончик уходил за рубль. Деньги отдавала маме.

Работать пошла в 15 лет – сначала на мыловаренный завод, потом на фабрику-кухню. Вечером училась в школе рабочей молодежи. Уже тогда приняла решение продолжить учиться поварскому делу и уехала в Ленинград поступать. Но не смогла получить эту профессию – слишком она была востребована в то голодное время, принимали по блату.

В итоге окончила институт физкультуры. Уехала в Смоленск на работу тренером – в послевоенном Ленинграде не оставляли иногородних.

Всю жизнь проработала тренером по гимнастике, другим видам спорта.

...Судьба заносила Лидию Михайловну в разные города, где она всегда находила работу: Рязань, Смоленск, Мурманск, Никель. Всюду участвовала в спортивных соревнованиях: была чемпионкой по волейболу, легкой атлетике, гимнастике, выступала на Красной площади в 1954 году в группе гимнасток.

Лидия Жуковская посвятила жизнь тренерской работе, студотрядам, даже на целину забросила ее судьба. А еще эта удивительная женщина – целеустремленная и сильная – воспитала прекрасного сына Валерия, который перевез маму в Жодино и заботится о ней.

Лидия Михайловна призналась, что любит Беларусь. Здесь ее корни, это родина ее мамы, именно сюда она часто приезжала в гости, некоторое время даже жила. У нее остались дела в Мурманске, но сегодня она живет в Жодино, который стал для нее, как и для ее сына, еще одной малой родиной.

Лилия ИСКРА

